

В пятницу Кошкин вернулся с работы с цветами.

– По какому поводу? – подозрительно приподняла бровь Маша, жена.

Она готовила ужин, колдуя с поварешкой над курящейся ароматным дымом кастрюлей. Букеты ей дарили нечасто. Для годовщины их с Кошкиным свадьбы было еще слишком рано, а для ее дня рождения – безнадежно поздно.

Кошкин улыбнулся. Улыбка, как Кошкин ни старался, вышла невеселой.

– Все, Машенька. Все.

Маша попробовала суп на соль и вновь приподняла бровь – на сей раз вопрошающе-поощрительно.

– Расчет получил, – пояснил Кошкин, бухаясь на табурет в углу.

– Выперли-таки? – прищурилась Маша.

– Сократили, – обиделся Кошкин. – Таких, как я, не выпирают – не за что. Мы, Кошкины, у начальства на хорошем счету.

– Серые мышки всегда на хорошем счету, – проворчала Маша. – И план выполняют, и премии можно не платить. И зачем бы это такие полезные кадры сокращать?

– А ты телевизор-то включи, включи, – вдруг по-серьезнев, ответил Кошкин.

Букет он бросил на стол. Лицо у Кошкина искажилось; на миг показалось, что он сейчас заплачет.

Маша, которая в глубине своей сильной женской души мужа все еще очень любила, испугалась. Уронила поварешку в суп, вытерла руки о фартук и щелкнула пультом.

Старенький «Самсунг» на холодильнике удивленно крякнул, с треском рассыпал по экрану марево помех и выдал на-гора новости Первого канала.

– Главной темой дня остается продолжение переговоров между президентом России и представителями Галактического совета по делам коренного населения планет, недавно присоединившихся к Содружеству разумных существ галактики Млечный Путь, – вещал подтянутый молодой человек с консервативным пробором в гладко зачесанных волосах, одетый в консервативный костюм-тройку с демократично расстегнутыми пуговицами безупречно скроенного пиджака.

Фоном шли примелькавшиеся уже кадры прибытия эмиссаров Совета на гигантских кораблях, зависших над столицами всех без исключения государств Земли. Они сменялись видеорядом о демонстрации нешуточности намерений братьев по Галактике, когда бортовым залпом флагманского звездолета на лике Луны был выжжен голубь мира, видимый с Земли невооруженным глазом в дневное время. Мелькали также лица президентов, королей и кормчих, с серьезным видом внимающих изливаемой на них мудрости Вселенной.

– Как вы помните, в январе текущего года наша родная планета стала полноправным членом Галактической лиги разумных существ. Получение членства в Совете не только дает человечеству Земли новые права, но и требует исполнения новых обязанностей, главной из которых является охрана прав и свобод собственного населения. Новое правовое поле требует всестороннего тщательного изучения и овладения юридическим инструментарием для максимально эффективного использования открывающихся перед населением планеты Земля в целом и граждан России в частности перспектив к вящей пользе для наших сограждан...

Далее речь шла о том, что главной опасностью для населения недавно присоединившихся к Лиге планет является быстрая культурная деградация и утрата культурной уникальности, вызванная мощным, разумеется, культурным же давлением со стороны многократно превосходящей во всех отношениях цивилизации, каковой, несомненно, выступает Галактическое содружество. В качестве примеров приводились незавидные судьбы североамериканских индейцев, полинезийцев и малых народностей Сибири. Посему просвещенные братья по разуму, опасаясь за неокрепшую культурную сознательность граждан Земли и не желая испытывать душевные муки из-за галактического эквивалента общечеловеческого комплекса вины, известного под названием «бремя белого человека», решили взять в свои руки, лапы или щупальца судьбу местного населения.

Для этого решено было освободить всех без исключения представителей земной цивилизации от гнета повседневной рутины и дать возможность каждому землянину, независимо от пола, возраста, расовой или конфессиональной принадлежности, сосредоточиться на сохранении собственной культурной уникальности, чтобы в дальнейшем гордо интегрировать ее в совокупную интернациональную и межпланетную галактическую культуру. Для этого каждого из землян должны были заменить в его социальной ячейке дублиры инопланетного происхождения, которые отбирались из числа волонтеров, горевших желанием уберечь младших братьев по разуму от культурного вымирания.

Волонтеров, как ни странно, оказалось пруд пруди. Конкурс был как на бесплатное место в хорошем вузе, конкуренция – исключительно жесткой. Чтобы с туземным населением третьей от Солнца планеты не случился шок от устрашающего вида пришельцев, те представляли под очи землян в антропоморфных

скафандрах. Высокие инопланетные технологии гарантировали, что отличить чужаков от местных баз специальной аппаратуры будет очень непросто – вне зависимости от того, каков изначальный облик, рост, вес и способ дыхания волонтера. Оставалось проверить справедливость заявления на практике – что не замедлило последовать.

Предложение, от которого невозможно было отказаться, рассмотрели на всех уровнях законодательной и исполнительной власти каждого из государств Земли, а также на уровне ООН, имеющей теперь далеко не номинальный статус в управлении судьбой населения планеты. И, разумеется, теперь торопливо, чтобы не сердить старших товарищей, воплощалось в жизнь.

Грянула череда сокращений. До нынешнего дня это было чужой бедой, неприятностями, которые случаются с другими. Когда сократили военных, мир вздохнул с облегчением: теперь никому больше не надо было умирать за непонятно чьи идеи и идеалы. А то, что на специально отведенных полях сражений с упоением мутузили друг друга волонтеры – что ж, кому от этого худо? Когда сократили полицию, стало ясно, что население Земли окрепло духовно и все преступления и наказание за них отданы отныне на откуп многоногим и жукоглазым товарищам из космоса. Упразднение тяжелого физического труда вызвало бурную радость армии шахтеров, металлургов и разнорабочих. Никто не заплакал, когда крестьяне и фермеры передали свои ораля и комбайны в замаскированные щупальца охочих до сельского хозяйства аграриев с далеких звезд.

Человечество, истосковавшееся по безбедному существованию, упивалось бездельем. Все были довольны. Казалось, что так было всегда: настолько органичным, словно изначально было присуще самой человеческой природе, оказалось всеобщее ничегонеделание. Лишь в отдельных сферах люди все еще не сдавали позиций – как бы им этого ни хотелось. Образование и медицина были последними бастионами, на которых пока держали – во многом против своей воли – оборону последние представители трудового человечества.

И тут сократили Кошкина, который работал участковым терапевтом в районной поликлинике. Бастион системы здравоохранения пал. Об этом, радостно улыбаясь, и торопился сообщить Маше телеведущий.

– Вот те нате, – сказала Маша и продолжила известной рифмой, чего Кошкин от нее ну никак не ожидал. – У нас что, с сегодняшнего дня болезни отменили?

– С другой стороны, а что плохого, Кошкин? Ну, признали где-то там на Альдебаране Землю уникальным поликультуральным сообществом...

– На Арктуре, – поправил Кошкин.

– ...Да хоть на Алголе, что ты перебиваешь. Ну, решили, что самобогство и народные обычаи надо сохранить и приумножить, чтоб не получилось, как у нас на Земле с индейцами. Ну, приехали волонтеры, чтобы нас защитить от культурного вымирания. Что плохого-то? Теперь работать не надо, а пособие вполне себе неплохое. Уж во всяком случае, побольше тех копеек, что ты в своей поликлинике получал.

– Не намного-то и побольше, – уязвленно заметил Кошкин. И замолчал, потому что не любил врать самому себе. – Хватало на то, чтобы ты спокойно духовным ростом занималась.

В последние пару лет Маша считала себя художницей и проводила немало времени в задумчивом состоянии у мольберта в гостиной, которую предпочитала называть студией. Кошкин с готовностью предоставил ей очередную возможность счастливо заблуждаться.

– Конечно, не намного, – покладисто согласилась Маша, которая не любила, чтобы Кошкин слишком долго страдал от ощущения собственной неполноценности. – Но любая копейка рубль бережет.

Кошкин поспешил увести разговор от щекотливой темы.

– А чувствуешь, чувствуешь, какие запахи сейчас по подъезду гуляют?

Маша прошла в прихожую, приоткрыла дверь и принюхалась.

– Опять, наверное, Брумели с шестого какую-нибудь очередную свою экзотическую кулебяку готовят, – предположила она, вернувшись на кухню.

– Ну да, и вчера Брумели, и позавчера... Не пренебрегай очевидным объяснением!

– Они любят кулинарные эксперименты. Вспомни тот месячник азиатской кухни три года назад, когда они из Таиланда вернулись. Тогда что ни день, то милицию вызывать приходилось, то пожарных, то службу газа.

– Ад был, а не лето, – согласился Кошкин. – Зарубежный туризм никого еще до добра не доводил. Но сейчас это не Брумели. Это другое.

– И кто, по-твоему, что там сейчас готовит?

– А никто. Никто ничего не готовит. Это они сами.

– Кто – они? И что – сами?

– Пахнут, – понизив голос и наклонившись поближе к Машину уху, изрек Кошкин. И пояснил: – Это их запах. Собственный.

– Чей?

– Пришельцев, – жарко выдохнул Кошкин жене в самое ухо.

– Совсем ты, Витя, спятил, – рассердилась Маша. – Это уже паранойя какая-то. Ты только на людях ничего такого не ляпни, пожалуйста. В дурдом сдадут, и все дела.

– А ты не человек, что ли? – обиделся Кошкин.

– Я твоя жена, – объявила Маша. – Раз уж впряглась в замужество десять лет назад, то теперь мне этот крест и нести.

– Найди себе тогда нормального мужа. Не сумасшедшего.

– Где ж теперь найдешь не сумасшедшего? Да и поздно. Коней на переправе не меняют. Да и кому ты такой, бесноватый, нужен...

– Жалеешь, значит...

– Не-а. Люблю.

– А ну-ка вот пойдем-ка! – взвился оскорбленный до глубины души Кошкин. – Пойдем!

– Куда? – уперев руки в бока, спросила Маша.

– В гости!

И Кошкин широким шагом устремился к дверям квартиры. Распахнул их, решительно пересек площадку и надавил на кнопку звонка у дверей квартиры напротив. Маша, сложив руки на пышной груди, прислонилась к дверному косяку. После соловьиной трели звонка око глазка на соседской двери налилось светом, включенным в прихожей. Свет был странный, красновато-багровый. Потом свет закрыла тень: Кошкина внимательно разглядывали.

– Кто там? – раздалось из-за двери.

Голос был тонкий, почти детский. Русские слова говоривший произносил с едва заметным нездешним акцентом.

– Здравствуйте! Это сосед! – радостно прокричал Кошкин, глядя в выпуклую линзу и стараясь придать своему всклокоченному облику благообразный вид, располагающий к дальнейшему общению.

– Никого нет дома, – ответили из-за двери, налюбовавшись Кошкиным.

Кошкин опешил.

– Э-э... Мальчик, а мальчик!

Дверь безмолвствовала.

– Девочка? – попытался Кошкин.

Нет ответа.

– А когда родители вернуться?

– Никогда, – зловеще ответила дверь.

Кошкин вспыхнул, погрозил нахальной двери кулаком и потопал по лестнице на следующий этаж. Там он остановился перед мощными дверями квартиры, расположенной прямо над их собственной, и заколотил в стальной лист сейфовой брони кула-

Культурно. При желании можете наставить вашу замену. Это не возбраняется.

- К-какой еще замене? – опешила Маша.
- А вы думали, государство не позаботится о том, чтобы вас и ваших родных своевременно и полноценно кормили, обстирывали и следили за порядком в доме? – прищурился полицейский.
- Нет-нет, отчего же... – заторопилась вконец растерявшаяся Маша. – Но... Где же взять эту замену.
- А нигде брать не надо. Вот она. Приступает к своим обязанностям с момента ознакомления вас с вашими новыми обязанностями. Распишитесь, гражданка Кошкина, здесь и здесь.

Маша, не глядя, расписалась. Глаз она не отводила от ослепительно красивой смуглокожей девушки с точеной фигурой и самыми роскошными волосами цвета воронова крыла, какие только Маша видела в жизни. А уж она, от начала до конца просмотревшая добрую тысячу многосерийных мыльных опер, знала толк в бабьей красоте. Знала она и то, какое в комплекте с такой красотой идет коварство.

- Здравствуйте, – вежливо сказала девушка глубоким грудным голосом, окончательно разбив бывшей домохозяйке ее любящее сердце. – Меня зовут Тенгезе. Я – ваша замена. С этого дня на меня возложена почетная обязанность хозяйки вашего прекрасного дома. Я бесконечно благодарна судьбе и законам Российской Федерации за возможность воспрепятствовать вашему культурному вымиранию и культурному вымиранию членов вашей семьи, Мария Сергеевна.

- Добро пожаловать, – устало махнула рукой Маша и посторонилась, пропуская замену в дом, с этого момента переставший быть крепостью, бесменным комендантом которой она была последние десять лет.

От Тенгезе пахло неведомыми пряностями и немножко грозой. Почему-то этот аромат рождал в воображении картины иного мира, где болотистые равнины под низким, изорванным молниями небом полыхали от огромных цветов с полными нектара чашечками лепестков, над которыми порхали крылатые ящерки с янтарно-желтыми глазами. Как раз такими, как у Тенгезе.

«Не устоит, – обреченно подумала Маша, вдохнув этот странно будоражащий аромат. – Ни один кобель не устоит. Даже Кошкин».

И этим же вечером, вполглаза ревниво следя за тем, как Кошкин не сводит глаз с порхающей у плиты стройной смуглянки в идеально сидящем по фигурке костюме домохозяйки, которые прежде они с мужем видели только в определенной категории

фильмов для взрослых, Маша словно бы невзначай предождала:

- А не подумать ли нам с тобой, Кошкин, о переезде? А то сидим мы что-то на одном месте, пока жизнь проползает мимо, а вокруг тем временем та-кие перспективы открываются!
- Я – за! – крикнул из детской Дениска.
- Переезд? – рассеянно откликнулся Кошкин. – Хм... Так эмиграцию вроде пока не разрешили.
- А я и не эмиграцию в виду имела, – подмигнула Маша.
- Кошкин заинтересовался.
- Хм-м. А что тогда?
- На Глизе-XXIII волонтерский набор объявили. Я в новостях видела. Культурное вымирание там у них намечается. Надо спасать братьев по разуму, Кошкин.
- Ну, надо так надо, – откликнулся Кошкин и улыбнулся Маше так, что у нее сразу отлегло от сердца.
- Ур-ра! – закричал Дениска.

Перед семьей Кошкиных открывались новые горизонты.

